

М.В.ЗАХАРЧЕНКО

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВОСЛАВНОМ ВОСПИТАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Церковь и государство - взаимоотношения в сфере образования

Православное воспитание - это вопрос Церкви; "Православная педагогика есть частное - в отношении детей и подростков - раскрытие дела Церкви на земле. Отрывать православную педагогику от жизни и действия церкви значило бы ослаблять связь педагогического дела с тем, что составляет самое существо нашей жизни, нашего творчества" - это суждение прот. Василий Зеньковский составляет начало современного понимания существа православной педагогики в России. Православие - ортодоксия - "есть неложное мнение о Боге и твари, или истинное понятие обо всем, или учение о сущем, как оно есть (Святитель Анастасий Синаит). Православное воспитание вводит человека в наследование Вселенского Предания, делает его со-таинником тайн Царствия Небесного, наставляет на путь Христов.

Вселенское Предание хранит память о земных путях Церкви в разных исторических обстоятельствах. Царствие Божие - не от мира сего, но земные пути Церкви крепко связаны с судьбами народов и государств, окормляемых ею. Смыслы православного воспитания рождаются внутри церковной ограды, задачи же его выходят далеко за ее пределы. Утверждая человека на путях активного добра, православное воспитание должно вникать во все обстоятельства его семейной, общественной, профессиональной, политической жизни, укрепляя личность к самостоянию в добре.

Сегодня в России Церковь наново ставит вопрос о воспитании, потому что изменились обстоятельства ее земной жизни. Российское государство отказалось от идеологии атеизма. Изменилось законодательство. По советскому законодательству Церковь должна была ограничить свое действие совершением богослужения - "отправлением культа" по формуле закона. Она не имела права на организацию общественного воспитания. Религиозное обучение и воспитание возможно было только дома, в кругу семьи, но на воспитание в семье Церковь не должна была влиять. Школа, общественные организации делали все возможное, чтобы отлучить от церковного общения детей из верных православных семей Существенно ограничено было и образование при подготовке священнослужителей. С 1923 до 1943 года подготовка священнослужителей была прекращена, после восстановления Духовных школ в 1943 году были наложены жесткие ограничения на программы подготовки - было позволено только изучение дисциплин, требующихся для совершения богослужения. Весь круг дисциплин, необходимых для того, чтобы священники могли видеть панораму современного мира и знать его пути - так называемых "светских" дисциплин - был исключен из программ, что понятно, поскольку в советское

время этот круг дисциплин мог быть преподаваем в России только в жесткой идеологической трактовке, неприемлемой для Церкви.

Сегодня Церковь получила право вести образовательную деятельность, создавать школы, организовывать высшие учебные заведения, вести образовательную деятельность по тем программам, которые она считает необходимым.

По законодательству государственная система образования в России носит светский характер. В государственных образовательных заведениях необходимо следовать букве закона. Невозможно никому навязывать то или иное направление духовного развития. Однако фактически наша школа никак не может быть названа мировоззренчески нейтральной. Кадровый педагогический корпус, система подготовки педагогических кадров, образовательные программы в значительной степени еще отягощены наследием воинствующего атеизма, официальной идеологии советского государства. Педагогическое дело - один из самых консервативных общественных институтов. В советские годы большие силы государства были брошены на то, чтобы сломать традиции русского воспитания - в семье, в соседской общине - среде естественного возрастания ребенка, и чтобы создать строго контролируемую государством организованную среду общественного воспитания - школу и детскую организацию. Эта программа составляла важнейший компонент государственного строительства в советский период. "Формирование коммунистического мировоззрения" рассматривалось как главнейшая задача школы, которой подчинялись все звенья воспитания.

Сегодня в нашей педагогике не стоит вопрос о "формировании мировоззрения". Мы говорим о необходимости создавать условия для того, чтобы у человека формировалось цельное мировоззрение. Духовная свобода человека проявляется прежде всего в том, что мировоззрение, которое он обретает в процессе становления, выработано им самим, он знает его как драгоценный плод духовных опытов, испытаний, утрат и обретений. Мы уверены, что опыт встречи с Православной Церковью на этом пути необходим для человека нашей культуры, ибо неопределимо ее участие в государственном и культурном строительстве России.

Если мы всерьез ставим задачу создания такой школы, в которой может быть воспитан свободный человек, мы должны заботиться о том, чтобы разрушить ту глухую стену, которой была отгорожена Церковь от образования, от культуры в советские годы. Государство сегодня не ставит вопроса о том, чтобы использовать православие как средство для выстраивания новой унитарной мировоззренческой системы в школе. Вопрос ставится иначе. Мы должны создать такие условия, при которых у ребенка, у его семьи была бы возможность выбрать то, что ближе их культурной традиции, их религиозной ориентации. При этом часто речь идет и о том, что институты государственной системы образования должны взять на себя то, что не может выполнить сегодняшняя семья. Сегодня многие традиции семейного православного воспитания утрачены, и, в отличие от

православных педагогов дореволюционной России, часто мы не можем опираться на семейный уклад. Однако когда ценностный выбор родителей определен, школа, организации дополнительного образования могут принять предлагаемую Церковью помощь и помочь особенно молодым родителям, начинающим со своими родителями тернистый путь воспитания, развития, восхождения.

Переход народа от сельского к индустриальному образу жизни не обязательно должен сопровождаться организованным целенаправленным разрушением основ культуры. Сегодня перед нами японский опыт, где организованная сила государства поддерживает народ в его естественном стремлении выработать органические формы городской общей жизни, органически связанные с формами жизни сельской, преемственно развивающиеся из тех же начал. Индустриальное строительство в России, сопровождавшееся разрушением самих начал культуры, сегодня обернулось тяжелейшим нравственным кризисом.

Несколько лет назад была высказана мысль о необходимости поиска и переосмысления национальной идеи России. Замысел состоит в том, чтобы выдвинуть признаваемые всеми цели и ценности, своего рода светское исповедание веры, способной одухотворить и систему образования, и общество в целом.

Церковь должна участвовать в восстановлении исторической правды о том, как росла и создавалась российская культура, наследниками которой мы являемся. В связи с этим еще Патриарх Алексий II поставил вопрос о необходимости рекомендовать в школах изучение особого курса "основы православной культуры". Эта более узкая задача православного просвещения не исчерпывает все полноты православного воспитания, поскольку здесь не ставится задача включения ребенка в жизнь Церкви. Но она органически включена в круг задач православного воспитания и питается из того же источника.

В годы официального атеизма было сделано все для того, чтобы вычеркнуть Церковь из российской истории, из сознания Россиян, поселить недоверие к ней. Целенаправленно готовились учителя и воспитатели, которые должны были стоять на позиции активного неприятия всего, проистекающего из Церкви и рождаемого церковным сознанием. Сегодня государство говорит о том, что мы должны тщательно работать над содержанием образования в нашей школе, освободить его от идеологии атеизма, восстанавливать историческую правду о Церкви и ее роли в становлении российской культуры, учиться понимать родную культуру как по преимуществу православную.

Вопрос о православной культуре заслуживает специального рассмотрения. Человек, в отличие от любых других живых существ, наделен даром творчества. Он способен создавать. Тайна творческой способности человека является давним предметом богословских и философских размышлений, испытует тайну творчества и наука, применяя психологические, социологические, лингвистические, историко-этнографические и другие методы к исследованию процессов и продуктов творчества человека. Мы располагаем множеством свидетельств от самих творцов, стремящихся дать себе отчет в том, что происходит процессе творчества. Когда речь идет о творчестве, мы имеем дело с диалектическим противоречием, в котором встречается мысль о могучей творящей субстанции ("поток", "реальность", "дух") и о силе человека создавать. Творческий огонь души - не продукт образования, но прирожденная сила человека, проявляемая с непосредственной силою в самом раннем детстве. Вера в детскую душу, говорит протоиерей Василий Зеньковский, есть драгоценнейший путеводитель в работе с детьми. В детской душе "неугасимо пылает священный огонь, питаемый тем, что есть в нас образ Божий. Творческие порывы в детской душе есть проявления Божией силы в ней - и наша задача в отношении детей заключается в развитии внутренней жизни в них". (Зеньковский)

Продуктом творческой деятельности человека является культура. Я предлагаю ограничить понятие культуры всем тем, что является порождением творческой силы человека, и отличить его от понятия мира: его человек преднаходит в своей деятельности, и в нем культура сочетается с реальностью иного порядка, реальностью, обладающей самостоятельным, от человека не зависящим бытием. Человек вступает в личное отношение с миром, и оно бывает очень разным - человек может опекать и защищать мир, может пользоваться миром, потреблять его, бороться с ним, испытывать его на прочность, подчинять, пересоздавать, уничтожать и создавать новый, - и эта его деятельность направляется смыслами, которые делаются его достоянием в процессе воспитания, когда он осваивает доставшийся ему мир. Смысл - своего рода ядро самосознания. Смыслы управляют культурой, отображают культуру, но не являются продуктом культуры. Издавна смыслы связывали с языком. В настоящее время налицо тенденция трактовки многих - практически всех - явлений культуры в семантическом ключе.

Особое развитие понятие смыслов получило в лингвистике и этнологии, то есть в науках, работающих на том рубеже, где культура непосредственно встречается с реальностью, и где человек всерьез ставит вопрос об источнике и пределах своей продуктивной способности. Идея смысла - центральная для осознания понятия традиции.

Предание - именно так звучит в русском корневом значении слово "традиция" - это форма человеческого существования, позволяющая осознавать реальность единства человеческого сообщества во времени и реально вступать в отношение духовного наследования. Духовная связь

поколений, передача наследства и наследование от предков к потомкам зиждется на единстве смыслов традиции.

Этнологи предлагают понятие - "смысловое ядро традиции", указывая на смысл как на ту форму, которая создает тот или иной тип культурной деятельности человека. Традиции отличаются одна от другой типом культурной деятельности, а следовательно, характером мира, которому принадлежат носители того или иного смысла.

Христианской культурой мы можем называть культуру, созидание которой управляется смыслами, укорененными в христианской вере. Смысл христианской жизни - в возвращении блудного сына домой. Господь, приняв на Себя человеческое естество, сделал возможным для человека этот путь домой. Он благовествовал, что дом наш - Царствие Небесное, и восхищается оно силою: "и нуждницы восхищают я". Он дал вечные образы Царствия Божия как семени, которое посеивается Словом и невидимо возрастает в душе, как зерно горчичное. Слово Божие - семя. Христианская жизнь - возделывание поля души, возделывание в землю благодатную, готовую принять Слово и взрастить его.

Православие зиждется на христианской вере, и Вселенской православной Церкви: единой, святой, соборной и апостольской. Церковь принимается как Царствие Божие на земле. Православного христианина воспитывает Церковь, питает его Таинствами и Учением. Церковь наставляет: "работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом" (Пс. 2.11), яко близок Господь. Внутреннее делание православного христианина лично открывает смысл Предания, человек вступает в наследование Истины, хранимой в Церкви. Православное понимание дела Церкви в отношении человеческой души передается в архетипическом образе: Церковь есть невеста Христова. Союз Церкви и Христа уподобляется браку. Господь зачинает нас как детей Божиих в Церкви. Церковь носит на руках духовных своих младенцев, вскармливает и защищает. Когда дети Божии возрастают и укрепляются, они становятся воинами, хранителями и защитниками своей Матери - Церкви. Церковь созидает формы своего земного бытия с единственной целью - быть неложным свидетелем Истины, явить смысл христианского благовествования. Церковная культура - это манифестация христианского смысла. Церковь не знает мира и не хочет знать мира, она учит не любить мир и не ходить мирскими путями. Она взирает только на небесное. Она говорит только добро и только о добре. Это, однако, не абстрактное добро, но добро в его земных путях. Священное Писание - самая правдивая книга, она не отворачивается от путей человеческих, но идет по ним, обнаруживая для внимательного взора узкий путь спасения, благовещивает преобразование мира и человека в спасительном Боговоплощении.

Понятие православной культуры охватывает более широкий круг явлений, чем понятие церковной культуры. Православный человек, живя в мире, может далеко исходить из церковной ограды, взгляд его может погружаться глубоко в бездны зла, он будет говорить о мире и для мира, но

его созидание вдохновляемо теми первичными различиями добра и зла, которые зиждутся на смыслах православия. Она никогда не будет отвергать церковную культуру, но будет возвращаться к Церкви, припадая к истокам, животворную силу которых он однажды испытал и навсегда доверил себя им. Культура православная содержит в себе импульс бесстрашного стремления исхождения в мир. " Идите и научите все народы". У православного самосознания есть дерзновение пересоздать любую культурную форму, преобразить любой человеческий мир. Она учит отречению от себя и исканию правды Божией с верою, что все остальное приложится нам. Нам все родное - мы готовы искать и находить искры правды Божией в любой культуре, ибо везде есть Его творческая сила. И в этом стремлении - поражающая многих - и нас самих вселенскость русского народного духа. Он не утрачивал себя в этом вселенском охвате до тех пор, пока вновь и вновь возвращается в церковную ограду и припадая к истокам бытия, снова обретает определенность и ясность начала. В русской православной культуре ее "вселенская открытость" сочеталась с обязанностью церковного строительства, строго хранения уставов и канонов Церкви. Советский интернационализм обернулся для русского человека трагедией: со сложившейся своей привычкой к всеприемлемости, всетерпимости, всепрощению, но будучи лишен пребывания в церковной ограде, он, сохраняя чувство правды, утратил способность различать добро и зло, утратил средоточие духовного и нравственного равновесия.

Православная культура - часть исторического наследия культуры народов России, и не только России. Русский народ в особенности - созидатель державы, хранитель православия. Русский характер создан веками воспитательной работы Церкви. Русский педагог конца прошлого века Сергей Александрович Рачинский, положивший всю свою жизнь и все состояние на устроение школы для крестьян в родовом имении Татево Смоленской губернии, соприкоснувшись с народной душой в буднях школьной жизни, был изумлен ее красотой, идеализмом и высотой устремлений. Он писал: "Та высота, та безусловность нравственного идеала, которая делает русский народ народом христианским по преимуществу, которая в натурах спокойных и сильных выражается безграничной простотой и скромностью в совершении всякого подвига, доступного силам человеческим, которая в натурах страстных и узких ведет к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям, которая в натурах широких и слабых влечет за собой преувеличенное сознание собственного бессилия и в связи с ним отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами и необъяснимо глубокие падения, которая во всяком русском человеке обуславливает возможность внезапных поворотов от грязи и зла к добру и правде, - вся эта нравственная суть русского человека уже заложена в русском ребенке. Велика и страшна задача русской школы ввиду эти могучих и опасных задатков, ввиду этих сил, этих слабостей, которые она призвана поддержать и направить. Школе, отрешенной от Церкви, эта задача не по силам..." (С.А. Рачинский. Сельская школа, с. 22-23)

Сознавая глубокую укорененность русского национального во вселенском православном, сегодня легко впасть в самообман, что православие можно унаследовать по праву рожденья, по праву рождения можно обладать всей полнотой истины, знания, веры. Советский строй с его моральным ригоризмом и безусловным подчинением личности обществу при таком подходе легко объявить модификацией православия. Это страшная aberrация. Распад смысла не есть сам смысл. Из распада смысла к его полноте прямого возвращения нет. Здесь есть только церковный путь самоограничения, покаяния (метанозын - переосмысления), обретения заново. Нет ничего столь далекого от православного смысла, чем смыслы коммунистической идеологии, служившей источником советского культурного строительства. Другой вопрос, что советская эпоха создавалась русскими людьми, действовавшими исходя из нравственных смыслов православия, которые искажались, однако, в процессе воспитания ненависти и недоверия к Церкви.

Исторический анализ этого вопроса

Для правильной постановки дела воспитания сегодня необходимо верно оценить и понять линии, которые начертила православная культура в русской истории. Россия приняла от Ромейского царства идею симфонического отношения государственной и церковной власти. Однако реально отношения эти складывались по-разному. Были периоды, когда носители государственной власти в России рассматривали свое княжеское служение как задачу воцерковления всей государственной и культурной жизни народа. Это самосознание получило отображение в древних летописях. В этот период создается народный уклад и народное предание - основы воспитательной среды на все последующие века. Сергей Александрович Рачинский не один раз задавал своим ученикам, крестьянским мальчикам, вопрос на письменное сочинение: "как бы я хотел провести свою жизнь?". в этих сочинениях с поразительной неизменностью воспроизводился один мотив, который в другой школе, кроме русской, может явиться лишь как редкое исключение. Мальчики, нарисовав жизнь, соответствующую их вкусам и наклонностям, (по большей части хозяйственным - из земных благ для них самым желанным оказывается собственный кусок земли), заключают ее отречением от всего мирского, раздачей имущества бедным, поступлением в монастырь!...Эта мысль не могла быть им навязана учителем, нимало не сочувствующим нашим современным монастырям. Монастыря они не видели. Они разумеют тот таинственный, идеальный, неземной монастырь, который рисуется перед ними в рассказах странников, в житиях святых, в собственных смутных алканиях их души (Рачинский. Сельская школа. 23-24).

В период расцвета Московского царства - период, разделенный надвое сменой династии и Смутным Временем, русские цари рассматривали

церковное служение государства как основание для того, чтобы поднять значение русского государства до вселенского, заявить его значение как мировой великой державы. Именно в этот период Российское государство выходит на европейское поприще.

Драматически сложились отношения Церкви и государства в России в послепетровский период, когда государство решительно взяло курс на подчинение культурного дела Церкви задачам государственного строительства великой мировой империи. В девятнадцатом веке в русской культуре в полноте разворачивается драма осознания разности общественного, государственного и церковного векторов исторической жизни народа. Общество стремится к самостоятельности, хочет социального освобождения, государство подчиняет все народные силы задачам великодержавности, Церковь несет служение Слова и православной миссии на всем пространстве империи и по всему миру, где достигает влияние империи. Именно тогда появляется формула - "православие, самодержавие, народность", она не случайно принадлежит министру просвещения, графу Уварову. Остро ощущается взаимоединство вопросов народного просвещения и культурной политики государства в целом. Просвещение - это отнюдь не одно только управление школьными учреждениями. Это общая культурная атмосфера, все факторы, управляющие наследованием традиции. В этот период Алексей Степанович Хомяков (1804-1860) задает этот широкий взгляд на воспитание как феномен культурно-исторический: воспитание есть действие, посредством которого одно поколение приуготовляет следующее за ним к деятельности в истории народа (А. С. Хомяков. Об общественном воспитании в России, 1850). Позже М.М. Сперанский выразит общую мысль: "Спор о формах правления это есть спор о методах воспитания".

В русской культуре ясно заявляют о себе смыслы, проистекающие из иных начал, нежели начала православной культуры. В этот период складывается православная философия и является православная педагогика в ее теоретических формах, еще не как система, но как практика теоретических размышлений над явлениями общественного воспитания и оценки их в ключе православной культуры.

Православные мыслители говорят о великом расколе, поразившем русскую культуру, после того, как высшие классы России ступили на путь образования, построенного на смыслах иной культурной традиции. В результате сформировалось взаимное непонимание, полное отчуждение, бездна, которая отделяет массу необразованного народа от образованных его слоев. На практику крепостного права многие смотрят как на следствие этого раскола. Так, Рачинский говорит, что внутренняя история нового времени завела Россию в лабиринт противоречий, в котором расширение умственного кругозора сопровождалось сужением горизонта духовного, а европейская культура развивалась совместно с крепостным правом. Рачинский утверждал, что в невежестве масс, на которое сетуют образованные классы, сами они и виновны. Наше высокомерие, - говорит он - отнимает у нас и то, что сумели

сохранить эти темные массы. " Над всеми неравенствами, созданными историей, царит великое равенство перед Богом. Сознать это равенство, терпеливо, упорно бороться против всего, что его затемняет, - это долг всякого мыслящего христианина". Достаточно мы оплакивали тот роковой разрыв, который составляет суть нашей внутренней истории нового времени и, однако, не мешал в великие минут этой истории нашему полному единению. Пора нам вспомнить, что у нас под ногами есть общая почва, и твердо и сознательно встать на нее. Пора сознать, что настало время взаимодействия, благотворного для обеих сторон, не того, мгновенного, случайного взаимодействия и единения, которое вызывается событиями чрезвычайными, а взаимодействия постоянного, ежедневного. Почва этого взаимодействия, этого единения - Церковь, орудие его - школа." (Рачинский. Сельская школа, с. 78-79). Г. Флоровский говорил, что Рачинский звал возвращаться в Церковь, чтобы там как меньшего и лучшего брата встретить народ, который отсюда еще не ушел и хочет здесь возрасти и жить...

В XIX веке и государство, и общество немало трудятся над устройением народного образования. Невежество, необразованность широких слоев населения видятся препятствием в историческом развитии страны. Устроители, однако, зачастую встречаются с "медленным, почти бессознательным, но упорным давлением снизу - пассивным сопротивлением всему, не подходящему народному понятию о школе..." (Рачинский). Киреевский пишет о нежелании родителей отдавать на обучение своих детей в уездные училища, на которые правительство выделяет значительные средства. Это происходит не от народного невежества, говорит Киреевский, опровергая сложившееся тогда мнение о враждебном отношении русского православного человека к умственной образованности. Он утверждает, что русский человек весьма уважает образованность там, где он видит от нее несомненную пользу, и ищет только такого просвещения, когда бы он мог быть уверен, что оно действительно основывалось на коренных убеждениях веры и вековых обычаях нравственности, что в своем развитии оно не ослабляет, а еще более укрепляет эти религиозные и нравственные убеждения и обычаи. Именно поэтому русский купец ведет своего сына мимо прекрасно устроенного училища, которое стоит посреди города почти пустое и которое предлагает образование даром, к полуграмотному дьячку, который учит за деньги. И это не оттого, что отец боится образованности для сына, он желает ему такой образованности, которая не только была бы проникнута духом его убеждений, но и в самой форме носила бы свидетельство своего духа. Сравнивая образованность, полученную в училище и у дьячка, Киреевский не сомневается, что в училище больше возможностей и для обучения, и для организации присмотра за детьми. Но есть одно обстоятельство, которое однозначно определяет о выбор между училищем и дьячком. Мальчик в училище не получит привычки, а следовательно, и охоты к чтению церковных книг. От дьячка он не вынесет всесторонних знаний, но вынесет именно эту привычку к чтению церковных книг, а вместе с нею и

любовь к богослужению. Перед ним, писал Киреевский " при окончании его учения открылась дверь в высшее училище - Церковь".

Киреевский положил немало сил на выяснение понятия образованности. Ему принадлежит заслуга выведения понятия "типа образованности". Он последовательно проводит различие между типом православной образованности и типом образованности рациональной, которая в то время рассматривалась как образованность по преимуществу. Особенность православной образованности проистекает из особенного отношения разума к вере. В мышлении православного человека совершается двойная деятельность: следя за развитием своего разума, он вместе наблюдает и за способом своего мышления, постоянно стремясь возвысить разум до того уровня, на котором он мог бы сочувствовать вере.

Киреевский предостерегает, однако, от мысли, что образование в науках противоречит образованию церковному. "Истина истине противиться не может, - писал он - Но в способе преподавания истин научных может быть какой-нибудь недостаток, который препятствует действию образованности религиозной". В России образованность религиозная происходит не из умственных соображений, как у протестантских народов, а из образованности церковной. Привычка к чтению церковных книг и разумение церковного богослужения есть единственное средство приобретения этой образованности. Поэтому, заключает Киреевский - чтобы уездные училища полнее достигали своей цели, в их устройстве должно быть больше церковного элемента, и столько, чтобы ученики могли без труда читать церковные книги, понимали конструкцию словесной речи."

Размышляя над коллизией столкновения двух типов образованности в русской культуре, православные мыслители последовательно рассматривают понятие развития человека в процессе образования, связывают развитие со становлением и культивацией словесного дара в человеке. Задача обучения родной речи - овладение семантическим строем родного языка. (Буслаев, Ушинский, Срезневский). В этой своей глубине русское слово в значительной мере испытало воздействие языка церковнославянского, напиталось его смыслами. Родное слово - это великий учитель русского ребенка, оно указывает ему путь к смысловому ядру родной культуры.

Зачастую само религиозное образование мыслители связывали не с изучением утонченностей катехизиса а с освоением церковнославянского языка, непосредственно по богослужебным книгам, как то практиковалось в старинной допетровской русской школе. "Словенский язык имеет то преимущество над русским, латинским, греческим и над всеми возможными языками, имеющими азбуку, что на нем нет ни одной книги вредной, ни одной бесполезной, не могущей усилить веру, очистить нравственность народа, укрепить связи его семейных, общественных и государственных отношений. Поэтому я думаю, что изучение его вместо утонченностей катехизиса в русской словесности могло бы служить одним из сильнейших противодействий тому, что может быть вредно для народа в науках, взятых отдельно от религии." (Киреевский).

Рассудочный - "школьный" - способ изучения религиозных истин считал крайне порочным Константин Петрович Победоносцев (1827 - 1907). С 1880 по 1905 год он занимал пост обер-прокурора святейшего Синода. "...Есть какое-то лицемерное обольщение в школьном деле, когда Закон Божий и соединенное с ним внушение начал нравственности составляет ишь один из предметов учебной программы. Как будто нечего больше желать и требовать для нравственной цели, - как иметь наличность той или другой цифровой отметки за ответы в предмете, называемом Закон Божий... Есть в школе законоучитель, есть программа, есть бал, показатель знания... результаты такой постановки учения - поистине чудовищные. Я видал учебники, в которых по пунктам означено, что требуется для спасения души человека, - и экзаменатор сбавляет цифру балла тому, кто не может припомнить всех пунктов.. Где тут разум? Где нравственность Где, наконец, - и прежде всего - вера, о которой мы лицемерно заботимся?.. Больше всего бойся сделать из Евангелия учебную книгу - это грех. Это значит - в ребенке обесценить для человека книгу, которая должна стать для него сокровищем и руководством целой жизни. Страшно должно быть для совести разбирать слово жизни на бездушные кусочки и делать из них мучительные вопросы для детей..." (Победоносцев).

Горькие размышления о беде, которую приносит православному воспитанию народа церковность казенная, писал Розанов. Будучи долгое время учителем словесности в провинциальной гимназии, он вдоволь насмотрелся школьной рутины, убийственной для возрастания живого духа, убийственной для свободы духовного возрастания, которую доставляет живая и сохраняемая еще тогда в укладе семейного воспитания православная традиция. Он убедительно противопоставляет любовное церковное воспитание в семье и казенное церковное воспитание в гимназии (Сумерки просвещения). Казенная дисциплина предписывала учащимся в посещать церковь всем классом под водительством классного наставника всем вместе, и учащийся "с ненавистью к храму, с отвращением к богослужению выстаивал здесь свои постылые часы" (Розанов) " В Е-це и Б-ске, где мне приходилось служить учителем, я заметил, что лучшая церковь, куда "приводились" ученики ко всенощной и литургии, почти не посещалась молящимися (народом); до такой степени бессознательно все чувствовали, что атмосфера, вносимая в храм учащимися, дисгармонировала с тем, что в храме привыкли искать и находить молящиеся! Из этих городов, по крайней мере, первый имел высокий церковный дух, и мне приходилось видеть в морозные зимние дни большую толпу, без шапок, молящуюся перед входом и не могущую уже протесниться в храм (т.е. не в тот, где молились "учащиеся")" (Розанов. Афоризмы и наблюдения).

Розанов приводит пример, как "двум ученикам - братьям на просьбу отца-священника позволить им по вступлению в школу посещать всенощную и литургию вместе с матерью, как это было ранее, было грубо и без объяснений отказано"(Розанов). Между тем он полагает, что семейное посещение храма, вместе с матерью, вместе с отцом, составляя органическую

часть воспитания в семье, позволяет ребенку поистине полюбить храм, почувствовать целительную силу богослужения, соборной молитвы. Розанов развивает и утверждает мысль об антикультурном, противоразвивающем действии новой школы, и именно потому, что она вторгается в живую ткань общения ребенка с семьей, лишает семью ее воспитующего воздействия на ребенка, вторгается в становление отношения ребенка к Церкви и разрывает живую связь семьи и Церкви в воспитании. Именно от этого "семья опустела и запустела" - с тревогой констатирует Розанов, однако "нисколько не скрывая от себя опасного положения и семьи, мы помним общий закон, что она, как и личная совесть, гибнет в истории последней - последней в ней становится пуста, холодна" (с.137). В семье "все полно мысли, выразительности, тревог и страха, все полно содержания, одухотворенности". Общение взрослого и ребенка воспитывает обоюдно: "неуловимо, но ребенок так же воспитывает взрослого, как и воспитывается им. Он от взрослого получает факты, знания, поучения..., но своею невинностью, веселостью, играми, забавами, и наконец, зарождающимися пороками он его воспитывает, а в последнем - и угрожает..." (с. 220)

Значимость семейного церковного воспитания высоко оценивает Победоносцев. Сам возросший в настоящей православной семье, с детства привыкший к церковной службе, научившийся понимать смысл церковного богослужения, он хорошо понимал тот характер сочетания внутренней духовной глубины и свободы с ответственным общественным служением, который вырабатывается в лоне православного воспитания. Когда российское государство повернуло на путь западной образованности, общинам было запрещено самостоятельно устраивать обучение грамоте при приходах, а значит - отнят путь к уразумению смысла богослужения, и тем самым - главнейший источник подлинного образования. Одним из первейших действий Победоносцева в должности обер-прокурора Святейшего Синода было создание системы церковно-приходских школ (1880 год), в которых обучение грамотности и началам наук, по его замыслу, должно быть подчинено целям религиозного образования, в задачи которого входит помощь ребенку в разумении церковного богослужения и церковных книг, открывающих великий образующий источник.

Рассматривая школу с позиций интереса государственного, Победоносцев ищет, чтобы школа не подменяла собою семьи и Церкви, но согласовывалась с ней. Он хочет такой народной школы, которая позволила бы простому человеку приобрести действительную образованность, соразмерную с теми жизненными задачами, которые ему придется решать и открыла бы перед ним горизонты развития. В школе необходимо приобрести задатки действительного знания и вынести из школы желание и способность дальше развивать его в себе. Только действительное знание позволяет человеку оценить различные взгляды и составить свое мнение. Натуральная необразованность простых людей, не прошедших школу, есть своего рода благодарная почва, которая хранит задатки, способные развиться, когда коснется ее действительное знание. Плоды действия современной ему школы

он оценивал невысоко. Построенная по принцип прохождения наук и сдачи экзаменов, она производит не только полуобразованность, ориентирует на беспорядочное чтение книг и газет, что, в свою очередь, передает недисциплинированному уму только общие взгляды и ходячие мнения, что только спутывает мысль и возбуждает только претензию знания..

Для русского ребенка, по убеждению Победоносцева, действительная образованность, возможна только на пути освоения первоначал православной культуры. Без этого он не будет способен осознать закономерности развития русской исторической жизни, не будет готов к поприщу общественного служения и исполнения общественного долга. (Шестун)

Он писал в "Педагогических заметках": "Вспомним древнее наставление: познай самого себя. В применении к жизни это значит: познай среду свою, познай природу свою, народ свой с душою его и бытом и нуждами и потребностями. Все что все мы должны были бы знать и по большей части не знаем. Но какое благо было бы для нас и для всего общества, когда бы мы старались познать все это - хотя бы на том месте, в том краю, в том углу края, куда судьба нас поставила..." (с. 351)

Современное состояние проблемы в России

Масштабы яростного гонения государства на Церковь в советскую эпоху только сегодня начинают осознаваться. Только сегодня мы можем посчитать потери, отпеть и оплакать погибших. Узнать пути мучеников за веру и прославить их крестный путь. История Церкви в советскую эпоху - это история Церкви в России и Церкви в русском зарубежье. Не имея возможности касаться проблем политических разногласий церковных юрисдикций, скажу лишь, что опыт культурного и педагогического дела русской Церкви в зарубежном изгнании бесконечно ценен и важен для нас сегодня в России. Трагедия разлучения и опыт изгнанников заставляют нас еще раз остро осознать Вселенское значение православной Церкви и еще крепче полюбить Православие как родное, создавшее нас.

Православие - часть не только в наследии русской культуры, это часть живой сегодняшней жизни. Жив Господь, жива Церковь, живы смыслы православного бытия - и жива православная культура, и, как ее органическая часть - православная педагогика.

"В России - религиозное возрождение". Это стереотипическое суждение не точно отражает процессы, происходящие у нас. "Русская Голгофа XX века" - это не метафора. Это образ, который позволяет православному сознанию понять существо произошедшего в России, пользуясь методом прообразования, важнейшим методом герменевтического прочтения Священной Истории. "Снятые с креста или с дыбы не возрождаются, - они воскресают. Или не воскресают" (Солоневич. Народная монархия). Сегодня Православие воскресает в душах русских людей - и с силой неопровержимой достоверности пробуждает чувство безусловного, благодарного доверия к Церкви. Это чувство - благодатный дар, открывает

путь к воспитанию души, к воссозданию жизни, к ответственному служению. Это путь многих взрослых людей в современной России: путь молодых родителей, путь учителей. В поисках своей духовной родословной обращаются к Богу и впервые услышат православное слово: "кому Церковь не мать, тому Бог не отец", и захотят узнать их, своих духовных родителей, в их таинственном союзе. И вместе с Церковью познают несказанную красоту родной истории, обретают родное предание. И ныне, и присно, и во веки веков воспитателей воспитывает Церковь. Выпутываясь из "афинейских хитросплетений" ложных противопоставлений, обретают новые чада Церкви православное сознание, в котором соподчинены друг другу две главные задачи: хранение неколебимо устоев церковной жизни и церковного благочестия и хождение по водам страстной мирской жизни "по камушкам", указуемым мудростью веры: "и да не на многажды отлучаяся общения Твоего, от мысленного волка звероуловлен буду" (Последование).

Вот почему мысль о православном воспитании - это прежде всего мысль о православной Церкви. Христианство - активная вера, она зовет к культурному творчеству, воспитывает любовь к родной земле, верность Отечеству, сознание неразрывной связи с предками и единства Вселенского Предания. Огромный мир, который православная традиция дарует человеку, перешагнувшему порог Церкви, призывает к нравственной дисциплине, к ответственному служению, к молитве и труду.

Сегодня православная педагогика в России ставит задачи воспитания в Церкви человека активного и сознательного, вера которого находит в разуме союзника и помощника, человека, способного активно творить добро и проявлять смыслы православия в культурном творчестве.

Сегодня в России создаются православные гимназии. Преподаватель и духовник одной из таких гимназий священник Артемий Владимиров, осмысляя ее опыт, подчеркивает, что сегодня главная задача - помочь ребенку в обретении веры, в укреплении его на пути веры. Православная гимназия призвана научать человека и ограждать его от той нравственной порчи, от того духа растления, которым преисполнен современный мир. Этому духу далеко не всегда способна противостоять школа государственная, и часто она сама становится проводником разрушительных для нравственности идей. Почти повсеместный отказ воспитания целомудрия, принятие идеологии сексуальной революции вызывает сегодня со стороны Церкви самую резкую оценку воспитательных возможностей государственной школы. Православная гимназия сознательно и твердо заявляет в своей воспитательной системе все христианские нравственные заповеди, основанные на божественных заповедях - ценности целомудрия, верности, честности, бескорыстия, труда, почитания родителей, - и возводит их к единству любви - любви к Богу и ближнему. Принимая эти ценности, ребенок должен понимать, что он будет противостоять современному миру, миру авантюризма, насилия, идеал которого - золотой телец. Привить вкус к этим ценностям способна любовь к родной культуре и истории, сознание преемственной связи с предками, осознание ответственности наследования.

В центре внимания православной воспитательной системы - идея суверенности детской личности. Дитя - это существо, почтенное Богом даром свободы. Воспитание достоинства и самостояния человека, поэтому - первая задача православного воспитания. "Готовя ребенка к выходу в самостоятельную жизнь, нужно воспитать в ребенке способность отделять пшеницу от плевел и различать свои помыслы, оценивать с духовной точки зрения те события и явления современной жизни, с которыми им неизбежно придется столкнуться. Это знание составляет главное сокровище Православия..." - говорит Артемий Владимиров, - "Мне, как преподавателю православной гимназии, отраднo было видеть в ее выпускниках, которые стали студентами светских московских вузов, что главный итог обучения в гимназии - это умение разбираться в людях и идеях, умение видеть уклонение от истины в том учебном материале, которые предлагают им их нынешние преподаватели, увидеть заблуждение, ложь, подмену. Они оказались способными избежать того множества ловушек, которые расставляет мир человеку, непросвещенном верой..."

Размышляя над вопросами воспитания православного благочестия, православные священники, воспитатели и педагоги, единодушно указывают на опасность подмены подлинного благочестия, живым образцом которого является Мария, сестра Марфы, отложившая все земные попечения и севшая у ног Спасителя, внимая Его словам. Сегодня в православной Церкви мы встречаемся с феноменом неопитства, с ревностью не по разуму тех новообращенных, которые стремятся восстановить все формы уклада православной жизни, сложившиеся в тысячелетней русской традиции, и часто подчиняют задачи воспитания живой и сознательной веры задачам соблюдения буквы устава. На этом пути искажается дело православного воспитания, ибо его главное дело - "не ограничивать детей на каждом шагу и запрещать делать все, что не по нраву взрослым, но сообщить им импульс живой веры, заронить в их сердца огонек смысла, огонек разума, чтобы они пронесли по своей жизни как главное достояние свечу веры, возжженную руками педагогов и родителей" (Артемий Владимиров)

Серьезной проблемой для православной педагогики сегодня является проблема соотношения религиозного воспитания и воспитания в культуре. На этих путях выстраивается и коренное различие, и прямая преемственность проблематики православного образования в современной России и России предреволюционной. В полной мере значим для сегодняшней православной России и педагогический опыт русской эмиграции революционных лет. Опыт школы русского зарубежья - это опыт построения цельной образовательной системы на принципах православного воспитания, он сегодня активно осваивается и осмысливается.

В русском зарубежье проблема православной педагогике осмыслена и раскрыта в контексте христианской педагогики вообще, а также в контексте организации школьного дела как такового. Два положения, сформулированные протоиереем Василием Зеньковским, особенно значимы для нас сегодня.

Православная педагогика - это не конфессионализм в педагогике. Дело идет не об одном различии в догматическом содержании конфессионального учения, это в последнюю очередь. "Дело идет не об одном лишь религиозном преподавании и воспитании, но вообще о постановке педагогического дела в соответствии с духом Православия. И здесь самые предпосылки педагогики таковы, что наши расхождения с западным христианством сказываются на них очень глубоко". (Зеньковский).

Если сводить вопрос о православной педагогике к вопросу о преподавании учебного предмета "Закон Божий" в школе, то вопрос о религиозном влиянии на детей становится мало реальным. Те предпосылки педагогики, которые в Православии совсем иные, чем в Западном христианстве, слабее всего отражаются именно в "преподавании" Закона Божьего. Вопрос о православном преподавании, в том числе и Закона Божьего, ставит тему о смысле и путях нашего воздействия на религиозную жизнь детей и подростков так, чтобы наше воздействие на них было связано с Церковью. Для православной постановки педагогического дела "необходимо пересмотреть самые принципы школы в связывании их с путями Церкви". "Школа - во всех странах, всегда находилась под воздействием и давлением государства, всего строя жизни, школа и сегодня почти лишена возможности свободно строить себя, имея ввиду лишь развитие и формирование детей и подростков. Религиозный подход к постановке школы требует освобождения ее от утилитарных задач, налагаемых жизнью на школу" (с. 4).

Зеньковский показывает, на каких отличных от конфессий западного христианства антропологических представлениях зиждется православная педагогика. В отличие от педагогики протестантизма, которая строится на изначальном недоверии к детской душе, пораженной греховностью, и пути религиозного воспитания связывает с "обращением" души к Богу, которое должно быть пережито как потрясение, вызванное переживанием Слова Божия, "наше православное чувство в отношении детей есть чувство Божией силы в них, есть радость о том священном огне, что в их душах. Центр тяжести всего педагогического дела переносится на углубление и развитие в детях духовной жизни, что вовсе не отвергает внимания к внешней реальности". Православие безусловно принимает во внимание начало греховности в человеке, но знает также, что в "невидимой брани", ведомой во внутреннем мире, нам есть на что опереться в себе. Поэтому важно помочь детям, чтобы они нашли свой путь к Богу, напитались от благодатных даров Церкви. "Невидимая брань" продолжается всю нашу жизнь, греховность живуча в нас, но еще более живуча сила образа Божия. Весь ход внутренней жизни у детей иной, чем у взрослых, но сущность внутренней борьбы остается та же" (с. 6).

От западного римского исповедания православная антропология отличается пониманием духовного мира человека, характера его внутренней жизни. В католичестве большое место отводится воображению и главный акцент в педагогике делается на усвоении идей и на дисциплине воли.

Православие же скептически оценивает возможности воображения в качестве проводника нашего духа на пути к Богу. Воображение - это творческая сила нашего духа, но вне внутреннего трезвения оно может направлять душу на опасные пути. Основным акцентом в православном воспитании души делается на внутреннее трезвение, а в центр внутренней жизни помещается сердце, которое хранит в себе внутренний мир человека. Педагогу нужно стремиться к сердцу ребенка, доступ к которому открывается в доверии и любви. Через сердечное взаимопонимание организует педагог внешнюю жизнь детей, их поведение, а не идет по обратному пути - от поведения к сердцу" (с.7).

Важнейшая заповедь православной педагогики - внимание к единству внешней и внутренней жизни ребенка, единству, которое покоится на жизни внутренней, но органически перерастает в устройство жизни внешней. На этом пути можно добиться воспитания духовной силы, способной к устройению гармонических форм уклада, столь поражающих нас красотой в русском монастыре, русской усадьбе, русской общине.

"Дети естественно связаны с семьей, со всей окружающей их средой, сквозь все это надо искать в детях искры Божией. Неверно было бы невнимательно относиться к приобщению детской души к реальной жизни, также неверно было бы не помогать ей в развитии жизни внутренней" (с.8).

Естественная соборность жизни должна быть освящена, и эта идея ставит задачу создания необходимой для детей церковной среды. Важно не индивидуальное только приобщение к благам Церкви, но и создание среды возрастания человека, которая давала бы точки приложения его сил, была бы деятельной средой.

И здесь сегодня разительное отличие условий воспитания в прежней России и в России современной. Православная воспитательная среда тогда была весьма развита, она достигала даже детей из семей интеллигенции, как правило, нетерпимой ко всем проявлениям церковности, что составляло часть "интеллигентской веры". Русский быт, проникнутый церковностью, с развитыми, устойчивыми формами, описан в известной книге Шмелева "Лето Господне". Атмосфера православного праздника, объединяющего в соборном единстве русских людей, обладает огромной воспитывающей силой. (Победоносцев). Праздник, начинаясь в церковной ограде соборной молитвой, выливался на улицы, приходил в дома, собирал всех за одним столом, одной улице, площади. Русский праздник оформлен многообразными формами художественного и жизнестроительного творчества народа.

В советское время последовательно велась борьба с православным укладом. Православный праздник должен был быть замкнут в церковной ограде. Народное веселье было переадресовано другим датам и событиям. Всякая общественная активность, исходящая из церковной ограды, пресекалась и должна была угаснуть. И она почти угасла. Сегодня же с воссозданием приходской жизни во многом связываются надежды на появление в Церкви и вокруг Церкви воспитательной церковной среды.

Задача эта, однако, непростая, и сегодня на пути к ее обретению у нас много горького опыта. Горячо принимаясь за дело создания церковной воскресной школы, прихожане часто весьма быстро оказывались перед развалинами - жизнь уходила из школы. Почему? - анализирует это состояние дел священник Борис Ничипоров, служащий в провинциальном городе. Конаково Тверской области. "Чаще бывает так: собираются взрослые и говорят: давайте создадим школу, нашу, православную, совсем не такую как обычная! У нас все будет по-особому, все мы братья во Христе и потому будем друг друга любить". Качество результатов, которые должны быть достигнуты в деятельности, не принимается во внимание. Хорошо ли будут они учить в такой школе - неважно, причем небрежение социальным результатом рассматривают как проявление какой-то особой духовности и терпимости. Взрослые при этом не задумываются, будет ли та среда, которую они создадут, значима для самих детей, они по сути создают площадку для проявления собственной церковной активности, работают для себя. К сожалению, вначале деятельность по созданию церковных школ для некоторых становилась способом ухода от собственных неудач на светском поприще.

Но у детей нет пока никакого собственного духовного опыта, своих проб и ошибок. Никто из них не задается целью уйти в затвор. Напротив, мир их очень и очень интересует. Все внутренние познавательные механизмы, заложенные в человеческую личность от рождения, требуют ознакомления и овладения все новыми и новыми сторонами жизни. В применении к детям задача православной школы выглядит совершенно иначе - школа должна предоставлять детям насколько возможно более положительную систему жизненных ценностей, достижений, точек приложения талантов. (Ничипоров). Эти ценности должны быть положительными и духовными. Но этого мало. Они должны быть социально значимыми, то есть признаваться другими. Открещиваться от социальной значимости воспитания - значит закрывать глаза на очевидные вещи. Православное образование просто обязано строиться на такой деятельности, которая позволяет воспитанникам ощущать нужность и важность своих занятий даже в среде людей неверующих..". Нравственное беззаконие современного мира верующие люди воспринимают как знаки "конца времен", многие стремятся ограничить свою активность только церковными стенами, и понимают православное воспитание как воспитание, которое должно изолировать ребенка от всякой деятельности, которая социально значима и востребовано вне церковной ограды. "Не нужно говорить, будто абсолютно все, что социально значимо, сугубо безнравственно и никуда не годится," - возражает отец Борис Ничипоров, - " Даже в современном обществе это, к счастью, пока еще не так... Обретение профессиональных навыков не может быть названо ни бесполезным, ни безнравственным. Во все времена христиане жили и трудились в обществе и от них требовалось, чтобы они умели делать свое дело хорошо". Другое дело - обретение социально значимых умений, первые социальные опыты и неудачи детей должны быть просвещены светом

Церкви. Такой опыт медленно и трудно приобретается в воскресных и приходских школах, число которых также медленно растет в России, а также на путях церковного окормления светских учреждений образования, прежде всего в пространстве образования дополнительного.

Труден путь восстановления православного уклада в семье. Нередки сегодня ситуации, когда женщина, пришедшая в церковь, не встречает в семье понимания, остается в семье одинокой, не может разделить вновь обретенного сокровища с супругом. Сколько сегодня свидетельств о том, как трудно достигается первоначальное понимание и согласие супруга, бабушек и дедушек на церковное воспитание детей. Даже такое дело, как празднование в семье церковного праздника, сегодня далеко не простое дело. Большие церковные праздники - Пасха, Рождество Христово - постепенно заняли свое место в русских семьях, Рождество теперь праздник государственный, выходной день, а Пасха всегда воскресенье. Но есть в году и другие праздники - такие как Преображение Господне, Рождество или Успение пресвятой Богородицы, радость которую нецерковные люди разделить не могут, - да и приходятся они часто на светские будни, на рабочие дни. Праздновать их не хочется людям нецерковным. "Как обернуть это нежелание его противоположностью? - размышляет прихожанка одного из московских храмов. - Самым естественным в семье способом - напечь пирогов. Кто решится в ответ на это хмуро проворчать: "Что еще за праздник выдумала? Знать его не желаю!" Услышав с порога вкусный запах, усталый человек еще с порога спросит: "У, да у нас пироги. А какой сегодня праздник?" - "Сретение Господне!" - "Ну хорошо, слышу в ответ, будем праздновать Сретение". И вот мы всей семьей вступили в церковный годовой круг, мы все уже не чужие Церкви Христовой. Во имя этого и пол перед праздником мыла, и еду повкуснее готовила. Воцерковление семьи - вот то, чего больше всего жаждет сердце мое" (Соколова). Тот в семье, кто первый переступает церковный порог, знает, как обильно питает Церковь силу терпеть и любить - ту силу, которой стремительно оскудевает современная семья. И вот уже на пороге у нас проблема конфликта поколений, и разрыв мира взрослых и мира детей, и обособление детского мира. В современных семьях много горечи впитывает ребенок в современной семье - грубость, баловство, невнимание, несправедливость, равнодушие. В суете - накормить, одеть, снабдить вещами - часто тонет главная материнская обязанность: любовно и терпеливо говорить со своими детьми, замечая и подмечая за ними все, вовремя поддержать, вовремя предостеречь, напомнить нравственную заповедь, укрепить в принятии самостоятельного решения. Положенные по уставу Церкви ежедневная молитва вместе с детьми, воскресная и праздничные литургии с исповедью, подготовка к исповеди - себя и ребенка - эти элементы церковной дисциплины позволяют выпутаться из паутины повседневной суеты, собраться на главном. Церковная дисциплина позволяет установить в семье иерархия ценностей, иерархию послушания. Взрослый не может требовать детского послушания только на основании своего возраста - это чувствуют педагоги-гуманисты, для которых

вопрос об основании авторитета воспитателя справедливо представляется чрезвычайно важным. Авторитет голой власти, которую взрослый по природе имеет над дитятей - это тот авторитет, который не может дать плодов духовного возрастания в ребенке. Православный воспитатель основывает свой авторитет на своем послушании Церкви. Перед исповедью, испрашивая прощения за причиненные ближним обиды, взрослый не почитает унижением просить прощения и у своих детей, как личностей, ему равных в свободе предстояния перед Богом, пример чему подается и священником в Прощенное воскресенье. Послушание невозможно без доверия. Непослушание Адама и Евы началось с утраты доверия Богу. Детское послушание - это восстановление райского единства человечества. Если мы требуем послушания, мы должны быть достойны детского доверия. Ребенку должно быть страшно послушаться так же, как нам должно быть страшно утратить детское доверие. На путях церковной дисциплины духа восстанавливается любовь, скрепляющая семью, создается пространство любви, питающее в ребенке возрастающий дух.

"Пример роду человеческом показан Господом на птичьем роде. У птиц родится сперва яйцо. Ежели это яйцо не пробудет положенное время в материнском тепле, то оно, так и останется только бездушною вещью. Так и у людей. Рожденный ребенок, что яйцо: с зародышем к жизни, но бездушен к процветанию во Христе. Которого ребенка не прогрели родители до корня души, до корней всех чувств его, тот так и останется мертв духом для Бога и добрых дел. Из таких-то вот непрогретых любовью и духовным уходом ребят и происходят в мире те самые поколения, из которых князь мира сего вербует свои полки против Бога и св. Церкви Его... Христосование яйцами напоминает нам, что каждому христианину надо дважды родиться, один раз плотью в жизнь вещественную, а другой раз духом в жизнь божественную. Чего, кажется проще, а вот эту-то простоту никак не могут понять люди. Поэтому и пожирает нас вечный враг, как яйца недвижимые и бессловесные. Да этак же и мы сами друг друга пожираем" (св. Иоанн Кронштадский).

Надежды на становление и развитие православного образования и воспитания в России целиком основаны с надеждами на восстановление полноты церковной - в ее Предании, ее дисциплине, ее священноначалии, ее народе Божиим. Сегодня Церковь продолжает работу, которую начала в веке XIX и которая была прервана годами гонений - восстановление святоотеческого наследия как важнейшей части церковного образования. Освоение святоотеческого наследия в равной мере задача и для священнослужителей, и для мирян, и ее решение требует развития общей образованности. Поиск путей общего образования, альтернативных образованию формальному - одно из направлений поисков православного богословия и православной педагогики, по которому сегодня осознается и реально строится преемство богословской, религиозно-философской,

общественной и педагогической мысли в России. Обширная издательская деятельность Церкви способствует восстановлению святоотеческой традиции в церковном сознании, а участие богословов в образовательном процессе светских учебных заведений, пока очень малое, но уже заметное, позволяет проторить дорогу к этому наследию и для светских мыслителей. Церковь всегда стояла на том, что освоение святоотеческого наследия и церковного учения должно идти только вслед за соблюдением церковной дисциплины. Подъем общего образовательного уровня в России позволяет предполагать, что сегодня возможно преодоление того разрыва между церковным благочестием и просвещением разума, который был характерен для широких слоев народа в России предреволюционной.

"Христе, свете истинный, освещай и просвещай всякого человека, грядущего в мир! Да знаменуется на нас свет лица Твоего, да узрим в нем свет неприступный. И да направим стопы наши к деланию заповедей Твоих, яко благословен еси во веки. Аминь".